

A romantic scene of a man and a woman in a boat on a lake at sunset. The man stands at the front of the boat, and the woman sits behind him. They are both looking out at a calm lake that reflects the golden light of the setting sun and a large, bright full moon in the sky. In the background, there are snow-capped mountains and a dense forest of trees, some with autumn-colored leaves. The overall mood is peaceful and intimate.

Кружка пива на ДВОИХ

Сергей Патрушев

Сергей Патрушев

Кружка пива на двоих

«Автор»

2026

Патрушев С.

Кружка пива на двоих / С. Патрушев — «Автор», 2026

Это история одной ночи на тихом озере, которая длится вечность. Высокий красивый парень Егор, живущий в деревне у воды, и девушка с золотыми волосами Алиса, случайно оказавшаяся в его лодке, становятся свидетелями чуда, которое переворачивает их жизни. Светящаяся рыбка, призраки прошлого, глаз алмаз на дне, птица огня на крыльце — всё это лишь ступени на пути к главному: выбору между деньгами и любовью, между страхом и прощением, между двадцатилетним молчанием и одним коротким, но спасительным словом «папа». Егор и Алиса пьют пиво, сваренное по рецепту мёртвого деда, делят один бокал вина на двоих, парятся в старой бане, встречают рассветы и провожают закаты — и в каждой кружке, в каждом взгляде, в каждой паузе между словами прячется магия, которая не нуждается в объяснениях. Эта книга о том, что чудеса не там, где мы их ищем. Чудеса — в нас самих, в тех, кого мы любим, и в тех, кого боимся простить.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Сергей Патрушев

Кружка пива на двоих

Глава первая.

Солнце умирало красиво. Оно не спешило, не падало за горизонт камнем, а таяло медленно, словно огромный раскалённый слиток, опускаемый в воду. Весь западный край неба горел в три яруса: внизу, у самой кромки воды, полыхало алым, выше разливалось густым, тлеющим пурпуром, а ещё выше – там, где небо уже начинало забывать о дне – золотистые облака истончались до прозрачности, превращаясь в едва заметную паутину, сотканную из последнего света. Озеро, ровное и сонное, взяло эти цвета себе, растянуло, перевернуло и отразило с щедростью зеркала, которому не жалко своей глубины. Горизонт исчез: вода и небо сомкнулись в одном долгом, тягучем поцелуе, и только полоска дальнего леса – чёрная, неровная, как сломанный частокол – напоминала о том, где кончается одно и начинается другое.

В центре этого разлитого золотом и кровью покоя, покачиваясь на лёгкой, почти незаметной волне, плыла надувная лодка. Старая, зелёная, с прилипшими к бортам травинками и крошевами чешуи, забытой на днище после прошлых рыбалок. Она была туго накачана, и каждый раз, когда внутри кто-то шевелился, резина издавала мягкий, чуть скрипучий звук – жалобу старого судна, привыкшего к одиночеству. На дне, поверх серого полиэтилена, валялись брошенные вещи: флисовая кофта, скатанная в рулон, пачка влажных салфеток, надорванный пакет с сухарями и плетёная корзинка, из горлышка которой торчало горлышко тёмной бутылки.

На корме сидел парень.

Он был высок – даже сидя это угадывалось безошибочно по тому, как далеко от него тянулись ноги, упёртые босыми ступнями в мягкий борт. Его плечи, широкие и покатые, двигались плавно, как рычаги хорошо смазанного механизма, когда он делал очередной заброс спиннинга. На нём была фланелевая рубашка в красную и чёрную клетку, расстёгнутая на две пуговицы сверху, так что была видна ключица – сильная, обтянутая смуглой кожей, и ямочка у основания шеи. Рукава он закатал до локтей, и предплечья его, покрытые редкими тёмными волосками и сетью мелких шрамов – памятью о кошачьих когтях и острых рыбьих плавниках – перекатывались под кожей при каждом движении. Пальцы на руках были длинные, с чистыми, аккуратно подстриженными ногтями, и держали они удилище с той спокойной силой, которая не требует напряжения. Он делал всё медленно, даже лениво, но в этой лени чувствовалась порода: человек, который знает снасть как продолжение своего тела.

Он сощурил серые глаза – на свету они казались почти прозрачными, как вода над песчаным дном – и взмахнул удилищем. Леска свистнула, разрезав вечерний воздух, и блесна упала в воду далеко впереди, подняв маленький, аккуратный фонтанчик брызг. Звук был правильный, звонкий, и парень довольно кивнул сам себе, начал медленную подмотку, чувствуя катушкой каждый камушек на дне, каждую водоросль, что касалась приманки.

– Хорошо пошла, – сказал он негромко, скорее себе, чем ей.

На носу лодки, поджав под себя босые ноги, сидела девушка.

У неё были волосы цвета старого золота, выгоревшего на солнце до почти белого оттенка, и они лежали на её плечах тяжёлой, небрежно сколотой на затылке массой. Несколько прядей выбились из причёски – ветер играл с ними, и они то прилипали к её виску, то взлетали вверх, как тонкие паутинки. Её лицо в закатном свете казалось вылепленным из слоновой кости с примесью розового кварца: высокие скулы, чуть припухшие губы, длинные ресницы, отбрасывающие тени на щеки. Она не смотрела на воду. Она смотрела на него – через плечо, полуобернувшись, и в её глазах цвета мокрого песка теплилось что-то сонное и уютное, как пламя свечи в запертой комнате.

На ней было платье из тонкого хлопка – белое, с кружевной каймой по подолу и вырезу. Влажность вечера уже начала оседать на ткань, и она липла к телу в самых неожиданных местах: на бёдрах, на талии, под мышками. Девушка не обращала на это внимания. Она держала в правой руке бокал на тонкой ножке – хрустальный, старый, с едва заметной трещинкой на ободке – и вино внутри казалось чёрным, потому что свет уже ушёл. Только когда она подносила бокал к губам и закат, сделав последнее усилие, прорывался сквозь её пальцы, вино вспыхивало рубином, густым и сладким на вид.

Она пила медленно, маленькими глотками, и каждый раз, когда стекло касалось её нижней губы, на нём оставался влажный, чуть розоватый след. Потом она опускала бокал на дно лодки, между ног, и принималась теревить край пледа, на котором сидела – старого, клетчатого, пахнущего пылью и домом.

– Расскажи ещё что-нибудь, – попросила она, и голос её был низким, с хрипотцой, словно она только проснулась или слишком долго молчала.

Он обернулся к ней, не переставая вращать ручку катушки. На его лице, тронутым сумерками, появилась лёгкая, почти мальчишеская улыбка – не та, которой улыбаются на фотографиях, а та, которая появляется сама собой, когда человеку хорошо и не надо притворяться.

– Про что? – спросил он, и его голос был низким, как у виолончели, с лёгкой, приятной хрипотцой курящего человека, который всё-таки бросил, но голос остался.

– Про что хочешь, – она повела плечом, и платье сползло на сантиметр, открывая ключицу и тонкую цепочку с маленькой жемчужиной, закатившейся под самую ямочку на шее. – Про рыбу. Про деда. Про то, как ты в первый раз удочку в руки взял. Про что угодно.

Глава вторая.

Он сделал паузу, проверил натяжение лески, убедился, что блесна идёт ровно, и перехватил удилище левой рукой. Правой потянулся к корзинке, достал банку пива – тёмного, ирландского, с золотистой этикеткой – и открыл её. Шипение вырвавшегося газа показалось в тишине оглушительным. Он поднёс банку к губам, запрокинул голову – и его кадык, острый, как киль, заходил вверх-вниз три, четыре, пять раз. Крупная капля конденсата сорвалась с жести, пробежала по его подбородку, задержалась на кончике, блеснула на миг и упала вниз – на рубашку, оставив тёмное пятно между пуговицами. Он вытер рот тыльной стороной ладони, крикнул от удовольствия и поставил банку рядом с собой, прямо на резину.

– Ладно, – сказал он, возвращаясь к спиннингу. – Слушай.

И начал рассказывать. Про то, как в восемь лет впервые поехал на Волгу с дедом, как тот поставил его на корму старой лодки, сунул в руки удочку, у которой катушка держалась на честном слове и изолянте, и сказал: «Смотри, внук. Рыба – она дура, но не настолько. Думать за неё надо. Если ты будешь думать, что ты умнее – она уйдёт. Если будешь думать, что она умнее – ты ничего не поймаешь. Будь с ней на равных». Он говорил негромко, размеренно, и слова его ложились на плеск воды, на стрекот кузнечиков с берега, на далёкий крик чайки, летящей к ночлегу. Его пальцы продолжали работать с катушкой автоматически, и он даже не смотрел на воду – он смотрел на неё, на девушку, и глаза его улыбались.

Алиса слушала, не перебивая. Она почти не пила теперь – бокал стоял между ног, вино нагрелось, потеряло вкус, но ей не хотелось делать ни глотка. Она смотрела на его руки, на то, как уверенно они держат снасть, на тени, что падают от его ресниц на скулы, когда он наклоняет голову. Ей хотелось коснуться его колена, просто так, просто чтобы ощутить тепло сквозь джинсовую ткань, но она не решалась – не потому, что боялась, а потому, что не хотела рвать нить его рассказа, такую тонкую и прочную одновременно.

– ...И вытаскиваю я, значит, эту тяжесть, – говорил он, ускоряя подмотку, потому что блесна уже почти дошла до лодки. – А вода мутная, вечерняя, ничего не видно. Рука затекла, спина болит, но я терплю, потому что дед смотрит. И вот показывается из воды... – он сделал паузу, хитро прищурился, – сапог. Кировский, резиновый, чёрный, с рыжей заплаткой на носке. А из сапога торчат клешни. И рак этот, размером с ладонь, сидит внутри, как царь на троне, и щипает меня за палец, когда я пытаюсь сапог отцепить.

Она засмеялась – сначала тихо, потом громче, запрокинув голову так, что пряди волос упали назад, открыв всю шею – длинную, бледную, с едва заметной голубой жилкой, бьющейся у ключицы. Смех её был низким и чистым, как удар в колокол, и он отражался от воды и возвращался обратно, многократно усиленный тишиной.

– Ты врешь, – выдохнула она, вытирая выступившие слёзы. – Ты всё врешь, Егор. Не было никакого рака.

– Был, – он поднял правую руку, показывая указательный палец, на котором и правда белел старый, давно заживший шрам. – Вот, видишь? До сих пор помнит.

Она перегнулась вперёд, взяла его за запястье, притянула руку к себе. Пальцы её – прохладные, мягкие, пахнущие вином и чем-то сладким, вроде ванили – провели по шраму, по костяшкам, по твёрдой мозоли на ладони. Он не отдернул руку. Замер. Даже дышать стал реже.

Она подняла на него глаза – и в этом взгляде было что-то такое, от чего у него пересохло во рту, хотя он только что пил пиво.

– Покажешь когда-нибудь ту Волгу? – спросила она тихо.

Он молчал секунду, другую. Потом кивнул.

– Покажу.

Лодка качнулась на лёгкой волне, и бокал с остатками вина опрокинулся, расплескав рубиновую лужицу по резиновому дну. Никто не обратил на это внимания.

А за их спинами уже взошла луна – огромная, жёлтая, похожая на голову сыра, и побегала по воде серебряная дорожка, разорванная на тысячи кусков, каждый из которых жил своей короткой, дрожащей жизнью.

Луна поднялась выше, стала меньше, но ярче – теперь она висела над озером как серебряная монета на чёрном бархате, и свет её был холодным, чётким, вычерчивающим каждый силуэт с безжалостной ясностью. Тени под глазами Егора углубились, скулы стали острее, а волосы Алисы из золотых превратились в пепельные – луна не любит тёплых оттенков, она красит всё в свою гамму, в цвета старого серебра и мокрых камней.

Бокал так и лежал на боку, и остатки вина, смешиваясь с каплями воды, натекшей с вёсел, образовали на резиновом дне розовую, неаппетитную лужицу. Алиса взглянула на неё равнодушно, перевела взгляд на бутылку в корзинке – та была ещё наполовину полна – но не потянулась за ней. Вместо этого она поджала колени к груди, обхватила их руками и положила подбородок на сложенные пальцы. Так она смотрела на него поверх своих собственных рук – и в этом было что-то детское, незащищенное, что кольнуло его где-то под рёбрами.

Егор опустил спиннинг на дно лодки. Леска ослабла, катушка перестала жужжать, и тишина, которая наступила следом, оказалась густой, почти осязаемой. Слышно было, как где-то в камышах возится утка – кряква, наверное, устраивалась на ночлег, как шелестит тростник под лёгким ветром с востока, как тяжело и мерно дышит вода – древнее дыхание озера, которое не замечаешь днём, но ночью оно становится главным звуком мира.

Он потянулся к банке с пивом – она стояла между его бёдер, нагретая телом, почти пустая, только на дне плескалось два глотка. Он допил её одним движением, скомкал банку пальцами – жесткая жесть хрустнула, поддалась – и отбросил в корзинку, к бутылке вина и пакету с сухарями. Потом взял новую, открыл, но пить не стал – просто держал в руке, чувствуя, как холод стекла (нет, не стекла – алюминия) обжигает нагретую ладонь.

– Холодное ещё, – сказал он удивлённо. – Откуда?

– Я лед положила в корзинку, – ответила она тихо. – Когда собиралась. Думала, ты захочешь.

Он посмотрел на неё долгим взглядом. В лунном свете её глаза казались чёрными – зрачки расширились, заполнили всю радужку, и только по краям, если приглядеться, угадывался тот самый тёплый, песочный цвет, который он запомнил ещё днём. Она не отвела взгляд. Девушки обычно отводят, когда он так смотрит, подумал он машинально. А эта нет.

– Ты хорошая, – сказал он просто, без пафоса, без той сладкой фальши, которая обычно предшествует поцелуям в кино. – Спасибо.

Она чуть склонила голову набок, и прядь волос, выскользнув из непрочного пучка, упала ей на щёку, закрыла половину лица. Она не убрала её.

– Ты странный, – сказала она в ответ. – Тебе говорят «спасибо» за то, что ты поймал рыбу, за то, что открыл дверь, за то, что принёс цветы. А не за лёд в корзинке.

– Я и дверь открою, – усмехнулся он, и в усмешке его не было насмешки – только тепло. – И рыбу поймаю. И цветы принесу. Но это всё потом. А сейчас – спасибо за лёд.

Он наконец сделал глоток из новой банки. Пиво было действительно холодным – обжигающе, до ломоты в зубах, и он прикрыл глаза от удовольствия, и его кадык снова заходил ходуном – раз, два, три. Когда он открыл глаза, она всё так же смотрела на него, и в её взгляде было что-то новое – не просто интерес, а то тихое, пристальное внимание, с которым разглядывают картину в музее, пытаясь понять, что хотел сказать художник.

– А ты чего не пьёшь? – спросил он, кивнув на бутылку. – Или вино испортилось?

– Не испортилось, – она покачала головой. – Просто не хочется. Ты пьёшь – и мне как будто достаточно. Чужое удовольствие иногда бывает вкуснее своего.

Он не нашёлся, что ответить. Такое не говорят просто так – такие слова либо выдают с головой человека, умеющего чувствовать глубже, чем позволяют приличия, либо они рождаются из долгой привычки к одиночеству, когда учишься радоваться чужим радостям, потому что своих нет. Он не знал, какой случай её, и не стал спрашивать. Не время.

Вместо этого он поставил банку, пересел с кормы на среднюю скамейку – ближе к ней. Лодка качнулась, резина скрипнула, вода плеснула за бортом – и всё. Теперь они сидели друг напротив друга на расстоянии вытянутой руки, и лунная дорожка лежала между ними, разорванная их тенями.

– Расскажи ещё что-нибудь, – попросила она опять, но теперь её голос звучал иначе – не просьбой, а почти приказом, мягким и тёплым, как шерстяной плед, которым укрывают замёрзшего. – Не про рыбу. Про что-нибудь... настоящее.

Он задумался. Провёл ладонью по лицу – по лбу, по глазам, по щетине, которая уже начала проступать к вечеру, делая его старше, мужественнее. Пальцы задержались на подбородке, поскребли кожу – вжих-вжих, слышно в тишине – и упали на колено.

– Ладно, – сказал он не сразу. – Слушай.

И начал рассказывать не про Волгу и не про рыбу. Рассказал про то, как в шестнадцать лет остался один на всё лето – мать уехала к бабушке в другой город, отец был в командировке, и он целых три месяца жил в пустой квартире, научился готовить яичницу с помидорами и не бояться темноты. Про то, как каждую ночь включал радио на кухне и слушал джаз – старый, нью-орлеанский, с трубой и кларнетом – и представлял себе Америку тридцатых, высокие машины, женщин в шляпках и дождь, который идёт часами, потому что в кино дождь всегда идёт часами. Про то, как однажды решил, что станет музыкантом, купил на сэкономленные деньги подержанную гитару и два месяца учился играть «Город, которого нет», пока соседи не начали стучать по батареям. Про то, как гитара потом сломалась – гриф треснул, когда он переносил её в дождь без чехла, – и он понял, что музыкантом ему не быть, потому что настоящий музыкант не сломал бы гитару по такой глупой причине.

Он говорил долго, не торопясь, переходя с одного на другое, и его история не имела ни начала, ни конца – это была просто ткань жизни, выдернутая нитка, на которой нанизаны бусы из мелких, незначительных, но почему-то важных событий. Он рассказывал о первой

любви – о девочке с рыжими веснушками, которая жила в соседнем подъезде и никогда не замечала его, пока он не перестал её замечать; о первом увольнении с работы, когда начальник сказал «ты слишком медленный», а он сказал «зато честный», и они расстались без злости, как два корабля, которым просто не по пути; о том, как однажды зимой провалился под лёд на замерзшей реке и выбрался сам, и с тех пор не любит холодную воду, хотя рыбачит на озере каждое лето.

Алиса слушала, не шевелясь. Только глаза её двигались – следили за его губами, за его руками, которые во время рассказа жили своей жизнью: то сжимались в кулак, то раскрывались, то начинали рисовать в воздухе невидимые фигуры. Она не перебивала, не задавала вопросов, не улыбалась даже – просто впитывала, как сухая земля впитывает первый дождь. И когда он замолчал – не потому, что закончил, а потому, что устал, и голос его сел, и он откашлялся, прижимая кулак ко рту – она протянула руку и коснулась его колена.

– Спасибо, – сказала она, и это «спасибо» весило больше, чем все предыдущие, вместе взятые.

Он накрыл её руку своей – широкой, горячей ладонью, шершавой от мозолей и соли. Она не отняла. Так они и сидели, глядя друг на друга через лунную дорожку, через плеск воды, через тишину, которая уже не была пустой – она была наполнена всем, что они только что сказали и не сказали.

А потом Егор медленно, очень медленно, как будто боялся спугнуть что-то хрупкое, поднёс её руку к своим губам и поцеловал – не в ладонь, а в запястье, туда, где билась тонкая, синяя жилка. Кожа там была прохладной и солёной – от озёрной воды, от вина, от пота. Он почувствовал, как её пульс ускорился под его губами, как пальцы дрогнули, сжались, потом расслабились.

– Егор... – выдохнула она, и в этом выдохе было всё: и вопрос, и ответ, и согласие, и неуверенность, и желание, и страх.

Он поднял глаза. Лунный свет упал в его зрачки, и они стали похожи на два маленьких серебряных озера – таких же, как то, что их окружало.

– Тише, – сказал он одними губами. – Тихо. Никуда не спешим.

Она кивнула. И больше не говорила ничего.

Лодка медленно вращалась на слабом течении, и луна, и звёзды, и чёрная вода – всё плыло вокруг них медленным, бесконечным хороводом, и время остановилось, замерло на одном долгом, сладком вдохе, который никак не мог закончиться выдохом.

Где-то на дальнем берегу завывала собака – протяжно, тоскливо, и смолкла. И снова стало тихо. Так тихо, что было слышно, как падает на воду сухой лист с прибрежной ивы – бесшумно, мягко, словно поцелуй, отправленный в никуда.

Глава третья

Они так и сидели – молча, не размыкая рук, не отрывая взглядов друг от друга, – когда вода вокруг лодки вдруг изменилась. Сначала это было едва заметно: лёгкое свечение, будто кто-то зажёл под поверхностью озера бледную, аквамаминовою лампу. Свет этот не был похож на отражение луны – луна серебрила, а этот светил изнутри, мягко, ровно, с пульсацией, похожей на биение сердца. Алиса заметила первой – её пальцы, всё ещё лежавшие на колене Егора, вдруг напряглись, и он почувствовал, как ногти впились в джинсовую ткань сквозь тонкую летнюю ткань.

– Егор, – прошептала она, и в голосе её не было страха – только изумление, то детское, чистое изумление, которое не умеют подделывать. – Смотри.

Он повернул голову, и рука его, всё ещё сжимавшая её пальцы, замерла.

В двух метрах от левого борта, прямо под лунной дорожкой, вода светилась. Не вся – а кругом, ровным кругом диаметром с обеденную тарелку, и в центре этого круга плавала рыба. Но это была не та рыба, которую ловят на спиннинг по вечерам, скучая в ожидании поклёвки. Она была маленькой – не длиннее указательного пальца Егора – и вся состояла из света. Чешуя её переливалась всеми оттенками, каких не бывает в природе: лавандовый, бирюзовый, розовый, цвет мокрого аметиста и цвет утренней зари, когда небо ещё не решило, каким ему быть. Хвост её, полупрозрачный, как крыло стрекозы, трепетал с такой частотой, что казался просто размытым пятном, а глаза – два чёрных крошечных уголька – смотрели прямо на них. Не на лодку. Не на блесну, которая валялась на дне. А на них двоих, сидящих друг напротив друга, застывших в неловкой, замершей позе.

– Ты видишь это? – спросил Егор шёпотом, и его голос дрогнул – впервые за весь вечер.

– Вижу, – ответила Алиса, и в её голосе звенело что-то, похожее на слёзы, хотя она не плакала. – Что это?

Рыбка сделала медленный круг. Свет под водой переместился за ней, как прожектор, и на мгновение озеро вокруг лодки осветилось так, что стало видно дно – песок, камни, водоросли, корягу, похожую на спящего змея. Потом круг сузился, и всё снова потемнело, осталась только сама рыбка, висящая в чёрной воде как живой фонарик.

Егор осторожно, очень медленно – так, чтобы не всплеснуть вёслами и не качнуть лодку – наклонился через борт. Его тень упала на воду, и рыбка шарахнулась в сторону, метнулась к корме, замерла снова. Он отодвинулся – она вернулась на прежнее место. Будто привязанная.

– Она не боится, – сказал он, выпрямляясь. – Или боится, но любопытство сильнее.

– Как мы, – тихо добавила Алиса, и это было так точно, так попало в суть происходящего, что Егор повернулся к ней и посмотрел так, будто видел в первый раз.

Она сидела, прижимая колени к груди, и её лицо в призрачном свете, исходившем из воды, было бледным, почти прозрачным. Волосы её казались не золотыми и не пепельными – они светились сами, подхватывая аквамаминовое свечение, и тонкая цепочка на шее загоралась искрами всякий раз, когда рыбка поворачивалась к ним боком.

– Возьми спиннинг, – сказала она вдруг.

– Зачем? – он не понял.

– Возьми, – повторила она настойчивее. – Не для того, чтобы ловить. Просто возьми.

Он подчинился. Потянулся к удилищу, лежащему вдоль правого борта, взял его в руки – привычное, тёплое от вечернего воздуха, пахнущее тинной и старым пластиком. Рыбка метнулась, описала восьмёрку и замерла напротив него, прямо у самого борта, так близко, что он мог бы достать её рукой, если бы опустил ладонь в воду.

Она смотрела на него. Он это точно знал – чёрные крошечные глаза были устремлены на него, и в них не было ни ужаса, ни мольбы, ни той тупой животной пустоты, которая бывает у обычной рыбы. В них было что-то другое – узнавание. Как будто она ждала его здесь всю жизнь и наконец дождалась.

– Алиса, – сказал он, не отрывая взгляда от воды. – Я сейчас свихнусь или это правда?

– Правда, – ответила она твёрдо. – Я тоже это вижу. Значит, не свихнулись.

Рыбка шевельнула плавниками – нежными, кружевными, как лепестки какой-то невиданной подводной орхидеи – и сделала то, чего ни один из них не ожидал. Она начала подниматься. Медленно, плавно, выпуская из чешуи мириады крошечных пузырьков, которые светились тем же аквамаринном и лопались на поверхности с едва слышным, музыкальным звоном – до, ре, ми, словно кто-то невидимый перебирал клавиши крошечного фортепиано. Голова её показалась из воды первой – крошечная, блестящая, с глазами-бусинками. Потом спинка. Потом хвост, который вдруг перестал трепетать и распустился веером, переливаясь всеми цветами радуги, какая бывает только после летней грозы, когда солнце уже садится, а дождь ещё не кончился.

Рыбка висела в воздухе.

В воздухе, над водой, на высоте ладони от поверхности, и никуда не падала. Её хвост и плавники двигались, но не так, как у летучей рыбы, которая выпрыгивает, чтобы спастись от хищника, – а плавно, размеренно, как крылья колибри, только в воде. Но воды вокруг не было. Она висела в пустоте и светилась так ярко, что у Алисы защипало в глазах, и она зажмурилась на секунду, потом открыла снова – рыбка никуда не делась.

– Ты это видишь? – спросил Егор, и его голос сел окончательно, превратился в хриплый шёпот.

– Вижу, – выдохнула Алиса. – Она... она летает.

Рыбка повернулась к Егору. Сделала крошечный рывок вперёд – и коснулась его спиннинга. Кончиком носа. Там, где леска была привязана к хлыстику. И в тот же миг спиннинг в его руках дрогнул, запел – низко, протяжно, как виолончель, когда по ней проводят смычком, не нажимая на струны. Егор никогда не слышал такого звука от удилища. Это не была вибрация от поклёвки – это была музыка. Чистая, печальная, тягучая нота, которая повисла в воздухе и не хотела затихать.

– Отпусти, – сказала Алиса быстро, почти испуганно. – Отпусти удочку.

Он разжал пальцы. Спиннинг упал на дно лодки – и затих. Рыбка отпрянула, описала круг над водой, потом нырнула обратно – без всплеска, беззвучно, как тень. Свет под водой вспыхнул в последний раз, ослепительно, ярко – так, что на мгновение стало светло как днём, – и погас.

Осталась только луна. Только звёзды. Только чёрная вода и они двое в зелёной надувной лодке, тяжело дышащие, как после долгого бега.

– Егор, – сказала Алиса, и голос её дрожал. – Что это было?

Он молчал. Смотрел на воду, на то место, где только что светилась рыбка. Потом перевёл взгляд на спиннинг, валяющийся у его ног. Обычное удилище, дешёвое, китайское, с поцарапанным кольцом и потёртой рукояткой. Ничего особенного.

– Не знаю, – сказал он наконец. – Но я её не поймал.

– Ты даже не пытался, – заметила Алиса.

– В том-то и дело, – он поднял на неё глаза, и в лунном свете они казались чёрными, как у той рыбки. – Я не пытался. И не хотел.

Она поняла. Кивнула. И снова, как в первый раз, протянула руку и коснулась его колена – на этот раз увереннее, крепче.

– Может, она и не для того, чтобы её ловить, – сказала Алиса. – Может, она просто хотела, чтобы мы её увидели.

Где-то под лодкой, в темноте, мелькнула последняя аквамариновая искра – и погасла навсегда. Или не навсегда. Кто знает.

Егор нашарил в корзинке банку пива – последнюю, уже не холодную – открыл, сделал глоток. Пиво было тёплым и горьким, как полынь. Он протянул банку Алисе. Она взяла, отпила – маленький, неловкий глоток, скривилась, отдала обратно.

– Фу, – сказала она. – Как ты это пьёшь?

– Привычка, – ответил он, допивая остатки. – Плохая привычка.

– Тебе нужны хорошие привычки, – сказала она, и в её голосе вдруг проступило что-то новое – забота, что ли. Или нежность. Или и то и другое вместе.

Он посмотрел на неё. На её лицо, освещённое луной – спокойное, прекрасное, с закрытыми глазами и расслабленными губами. Она не спала – просто сидела, чувствуя вечер, чувствуя воду, чувствуя его присутствие.

– Алиса, – позвал он тихо.

– М-м-м? – не открывая глаз.

– Ты веришь в чудеса?

Она открыла глаза. Посмотрела на него – долго, внимательно, как смотрят на человека, от которого зависит слишком много.

– Раньше – нет, – сказала она. – А сейчас – не знаю. А ты?

Он хотел сказать «нет». Хотел усмехнуться, пожать плечами, сказать что-нибудь взрослое и циничное про галлюцинации от жары и усталости. Но вместо этого посмотрел на тёмную воду, на то место, где только что горел неземной свет, и сказал:

– Я хочу верить.

Она улыбнулась. Не широко, не радостно – а уголками губ, одними глазами, той улыбкой, которая дороже всех слов.

– Тогда, – сказала она, – может быть, и я поверю.

Луна стояла высоко. Вода была чёрной и тихой. И никто из них не заметил, как на дне лодки, под старой плетёной корзинкой, что-то блеснуло – крошечной, аквамариновой искрой, упавшей с неба. Или из воды. Или ниоткуда.

Глава четвёртая

Ночь сгустилась настолько, что границы между водой и небом исчезли окончательно. Лодка висела в чёрной пустоте, и только луна – теперь уже не жёлтая, а белая, ослепительная, как прожектор – давала понять, где верх, где низ. Звёзды высыпали все до одной, и Млечный Путь пролёг через всё небо мутной, светящейся дорогой – будто кто-то пролил молоко на чёрный бархат и не успел вытереть.

Егор сидел, откинувшись на борт, и смотрел вверх. Алиса – рядом, плечом к плечу, и её голова почти касалась его плеча, но не касалась – висела в миллиметре, и он чувствовал тепло её волос, не касаясь их. После той рыбки никто из них не произнёс ни слова. Слова казались лишними, грубыми, как сапоги на паркетном полу. Они просто сидели и дышали – вместе, в одном ритме, и тишина между ними стала плотной, как смола, но не липкой, а уютной, как старое одеяло, в которое заворачиваешься зимним вечером.

А потом вода за бортом снова засветилась.

Но не так, как в прошлый раз. Не нежным аквамарином, не пульсирующим, живым светом. Этот свет был другим – холодным, зелёным, болотным, и он не поднимался из глубины, а стелился по поверхности, как туман. Он не был красивым. Он был тревожным.

– Егор, – Алиса села прямее, и её голос потерял сонную мягкость. – Опять.

Он взял её за руку – не спрашивая, просто взял, и она не отняла. Пальцы у неё были ледяными, хотя вечер был тёплым. Он сжал их крепче, давая понять: я здесь, не бойся.

Зелёный свет сгущался. Теперь он уже не стелился, а поднимался – медленно, как тесто на дрожжах, – и принимал очертания. Егор сперва подумал, что ему кажется. Потом подумал, что устал и что галлюцинации бывают и зелёными. Потом увидел, что Алиса смотрит туда же, и понял: не кажется.

Свет сложился в три цифры.

Девять. Девять. Девять.

Они висели в воздухе над водой, в метре от лодки, ровные, чёткие, как если бы их начертили невидимой линейкой. Три девятки – одна за другой, без пробелов, без точек, просто 999. Они не мерцали, не двигались, не пульсировали. Они просто были. И от них исходил тот самый зелёный, холодный свет – свет, который не греет, не радует, а заставляет смотреть, не отрываясь, как заворожённого.

– Это число, – прошептала Алиса. – Что оно значит?

Егор молчал. Он перебирал в голове варианты: год, номер дома, код, шифр, что-то из математики, что-то из мистики. Ничего не подходило. Три девятки висели перед ним, насмехаясь над его попытками найти рациональное объяснение.

– Не знаю, – сказал он наконец. – Но я его где-то видел.

– Где?

– Не помню. Во сне, может быть. Или в детстве. Какое-то старое, забытое воспоминание... – он замолчал, потому что понял, что звучит глупо. Воспоминание о числе. Три девятки. Что за бред?

Зелёные цифры вдруг дрогнули. Края их стали расплываться, как чернила на мокрой бумаге, и через секунду они сложились во что-то другое – в круг. Три круга, три кольца, вложенных друг в друга, как мишень. Самый маленький светился ярче всех, средний – тусклее, внешний – почти погас. И внутри самого маленького, в центре, что-то шевелилось. Какая-то тень. Или не тень – фигура. Силуэт.

– Там кто-то есть, – сказала Алиса, и её голос упал до шёпота, который был тише, чем дыхание.

Егор прищурился. Силуэт внутри кругов был крошечным, размером с палец, но чётким – очертания головы, плеч, рук. Человечек. Маленький человечек из зелёного света, стоящий в центре трёх девяток, сложившихся в три круга.

– Это мы, – вдруг сказал Егор, и сам удивился своим словам. – Это мы с тобой.

– Что? – Алиса повернулась к нему, и в её расширенных зрачках отразился зелёный свет.
– Как – мы?

– Посмотри. Два силуэта. Один большой – это я. Один поменьше – это ты. Мы стоим в лодке. Вот лодка – видишь овал? А вокруг вода. И эти три круга... – он запнулся, подбирая слова. – Это не цифры. Это рамка. Или окно. Или... я не знаю. Но это мы.

Они смотрели на зелёное видение, и тишина вокруг стала вязкой, как патока. Даже вода перестала плескаться о борта. Даже ветер затих. Даже звёзды, казалось, перестали мерцать – замерли, наблюдая.

Человечек внутри кругов шевельнулся. Поднял руку – точь-в-точь как Егор, когда тот делал заброс спиннингом. Второй силуэт, поменьше, наклонил голову – как Алиса, когда она слушала его рассказы.

– Это не мы, – прошептала Алиса, и в её голосе зазвенело что-то, похожее на ужас. – Это не мы. Это они нас смотрят. Как в телевизоре. Кто-то смотрит на нас оттуда. Изнутри этих кругов.

Егор почувствовал, как холодок пробежал по спине – не от ветра, потому что ветра не было, а от осознания. Она права. Конечно, она права. Это не они были внутри кругов – это круги были окном, и кто-то по ту сторону окна изобразил их, как кукол в театре теней. Или не изобразил. Или не по ту сторону.

Зелёный свет вспыхнул ярче – на мгновение, на одно короткое, режущее глаз мгновение – и погас. Три девятки исчезли. Круги исчезли. Человечек исчез. Осталась только чёрная вода, только луна, только звёзды и они двое – живые, настоящие, сидящие в резиновой лодке посреди ночного озера.

– Егор, – сказала Алиса. – Мне страшно.

Он обнял её – неловко, потому что лодка качнулась, потому что они сидели неудобно, потому что он вообще не умел обнимать правильно, только по-дурацки, с размаху, как медведь. Но она прижалась к нему, и он почувствовал, как бьётся её сердце – часто-часто, как птица в клетке, – и как её пальцы вцепились в его рубашку, и как она дрожит мелкой, неконтролируемой дрожью, которую нельзя остановить усилием воли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.